
ШОВИНИЗМ ИЛИ ХАОС: ПОРОЧНЫЙ ВЫБОР ДЛЯ РОССИИ

А.В. Лукин

Аннотация. С точки зрения автора, возвращение Крыма и события вокруг Украины, а также связанные с ними наметившиеся тенденции во внутривнутриполитической жизни страны, ставят российское общество перед новой реальностью. Во внутренней жизни, считает автор, ситуация с Крымом поставила многих перед порочным выбором. Многие либералы считают, что уменьшение российского влияния в мире как влияния негативного, благоприятно для внутренней либерализации и неизбежно должно ее сопровождать. В то же время те, кто выступает за собственную роль России в мире, укрепление ее влияния, часто — сторонники жесткого внутривнутриполитического режима, авторитаризма, а порой даже возрождения сталинизма. В результате россияне должны выбирать: либо выступать за демократизацию, но против усиления России на мировой арене, за ее превращение в младшего, подчиненного партнера Запада, либо за укрепление России, но с установлением диктатуры, национализмом и угрозой всем вокруг. По мнению автора, людям следует предложить третий путь, который будет отвечать чаяниям большинства, — соединение нормального, умеренного патриотизма, с умеренным же либерализмом.

Ключевые слова: Россия, Украина, Крым, демократия, либерализм, патриотизм, хаос.

События последних месяцев вокруг Украины и Крыма, а также связанные с ними некоторые наметившиеся тенденции во внутривнутриполитической жизни страны, ставят нас перед новой реальностью. Вполне вероятно, что вся система международных отношений, да и внутренняя жизнь России уже не будут такими, как раньше. Изменяется парадигма нашей жизни, сложившаяся после распада СССР, в рамках которой действовали Россия и ее основные партнеры как в ельцинский, так и в путинский периоды. Эту систему можно назвать постсоветским консенсусом. В чем ее главные черты? Со времени распада СССР Россия в принципе считалась партнером Запада, хотя и не таким близким, как члены его экономических и политических союзов, но все же разделяющим его основные внешнеполитические и внутривнутриполитические цели. Некоторые разногласия (например, по Югославии, Ираку, Ирану и т.д.) списывались на ее величину и недостаточное время нахождения в западном ареале и довольно быстро улаживались. Особые подходы к внутренней политике также объяснялись несовершенством и молодостью российской демократии (об этом говорили и сами московские руководители), некоторыми национальными особенностями. Положение России можно было сравнить с Турцией, Украиной, Мексикой — государствами крупными, не полностью отвечающими западным стандартам, но стремящимся к ним и достигающим на этом пути определенного прогресса.

КРАХ ПОСТСОВЕТСКОГО КОНСЕНСУСА

Постсоветский консенсус базировался на взаимопонимании с Западом о том, что обе стороны будут двигаться к более тесному сотрудничеству, обе

ЛУКИН Александр Владимирович, доктор исторических наук, проректор Дипломатической академии МИД России. Для связи с автором: lukinru@yahoo.ru

будут с пониманием относиться к интересам друг друга и идти на взаимоприемлемые компромиссы. Однако выполняла эти условия на практике только Россия. Не отказавшись полностью от идеи национальных интересов, она показывала, что готова ими частично жертвовать ради сотрудничества с «цивилизованным миром», чтобы стать его частью. Но сам «цивилизованный мир», несмотря на обилие ободряющих слов, мыслил категориями холодной войны, искренне считая себя победившей стороной. Забыв про все обещания (например, не расширять НАТО на восток), Запад пытался осуществить все, что не мог сделать во время холодной войны из-за сопротивления СССР, — включал в сферу своего влияния все больше стран и территорий, передвигал военные объекты все ближе к российской границе, в том числе и на территорию ее традиционных союзников.

Такой подход объясняют по-разному. Во властных структурах России сегодня считается, что реальная внешняя политика Запада определяется исключительно геополитическими целями: подчинить себе больше стран и территорий и стать единственной доминирующей силой в мире (создать «однополярный мир»), а всякие там ценности (демократия, права человека) — просто идеологическое прикрытие. Такое понимание объясняется тем, что нынешние российские лидеры — в основном выходцы из правоохранительных структур позднесоветского времени, когда в официальную коммунистическую идеологию уже мало кто верил, и она действительно служила прикрытием реальной политики.

Сегодня западное общество гораздо более идеологизировано, чем российское, по сути Запад — это единственная сохранившаяся идеологическая империя (нельзя же всерьез считать идеологизированными коммунистические Китай или Вьетнам, страны, где официальная идеология — уже давно не более чем ритуал, и даже лидеры не могут ясно объяснить, в чем, собственно, состоит ее коммунистическая сущность). На Западе в собственную идеологию верят практически все, ее впитывают с детства, в детском саду и школе, университете и на рабочем месте. Суть этой идеологии «демократизма» (описанной Ильей Смирновым, введшим в оборот слово «либерастия», в книге с одноименным названием¹) довольно проста: западное общество хоть и не идеально, но более совершенно, чем все остальные, оно — вершина общественного прогресса, и все в мире должны стремиться к западной модели, такой, какая она есть в данный момент. В принципе это примитивный культурный шовинизм, характерный для многих народов и стран — от небольших племен до крупных цивилизаций, считавших всех вокруг варварами, а себя — центром мира. Отличие современного Запада — в его масштабах.

Внешняя политика Запада основана на этой вере. Ключевое направление внешнеполитической мысли определяют, как ни парадоксально, идеологи-прагматики. Они считают, что лучший путь присоединить все «варварские» народы и страны к миру «свободы и демократии» — подчинить их политическому влиянию через экономические и политические союзы. Для этого в них к власти должны прийти силы, понимающие, что им самим это выгодно (т.е. ориентирующиеся на Запад), чему необходимо всячески способствовать. Если даже эти силы и не вполне отвечают «демократическим» стандартам — это не

¹ Смирнов И. *Либерастия*. Доступ: <http://supol.narod.ru/archive/books/liberast.htm>

страшно. Пусть сначала подчинятся экономически и политически. Затем под влиянием Запада их дотянут до нужного стандарта. Именно поэтому в Европе лишь вяло журят режимы Эстонии и Латвии за то, что значительная часть русскоязычных там не обладает гражданскими правами. Хотя официально причины такой близорукости стараются не афишировать, они иногда прорываются наружу. Примечателен, например, вывод доклада независимого немецкого фонда Бертельсманна о ситуации в Эстонии: «В Эстонии никогда не было прямых или косвенных вызовов демократизации или переходу к рыночной экономике... Хотя в Эстонии сохраняется серьезный национальный раскол, ограничительная политика в области гражданства означала, что русские получили гораздо меньшую политическую власть, обладание которой могло позволить им замедлить ход реформ»². Сказано четко и ясно: русские в Эстонии – единственное препятствие для вестернизации, поэтому права их пришлось ограничить.

По той же причине не видят радикальных националистов на Украине: ведь это те, кто действует «в сторону прогресса», и исторически их можно оправдать или даже закрыть глаза на некоторые преступления (например, как было с косовскими националистами и хорватской армией в Сербской Краине и т.п.). Характерно поведение Верховного представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности Кэтрин Эштон, осудившей попытку захвата здания Верховной Рады Украины боевиками «Правого сектора» после прихода к власти антироссийской оппозиции, но фактически поддерживавшей их, когда они делали то же самое ранее, но в Раде большинство составляли «плохие парни», не полностью ориентировавшиеся на ЕС. В то же время преступления сил «регресса» надо показать во всей красе и осудить по полной программе.

Есть на Западе и идеологи-идеалисты, говорящие о том, что нехорошо дружить даже с «прогрессивными» диктаторами, те, кто пытается осудить и «своих» и критикует власти за отход от идеалов «демократизма». Но они не определяют реальной политики, считаются кабинетными, непрактичными мечтателями, мешающими реальному делу. В результате стремление к глобальному геополитическому доминированию смешивается здесь с идеологическими целями, и что первично, сказать довольно трудно.

Интересно, что подобный спор велся и в другой идеологической империи, советской России, в период, когда там коммунистические ценности еще были предметом веры. Известны дискуссии о Брестском мире, когда идеалисты-коммунисты предлагали погибнуть, но не вступать в переговоры с «классовым врагом». Они даже почти взяли верх, но более прагматичный Ленин все же убедил коллег, что умирать не стоит, а главное – не чистота идеи, а власть идеологов. Пока они у власти, постепенный триумф идеологии во всем мире обеспечен, а гибель уничтожит такую возможность. Интересен также спор среди российских большевиков относительно необходимости исполнять обещания, данные в так. наз. *декларациях Карахана*, в которых Москва отказывалась от всех прав и привилегий царской России в Китае. Российский представитель в Китае Адольф Иоффе расценил нежелание Москвы выполнить эти обещания в полном объеме как гибельную тенденцию к возрожде-

² BTI 2008 Estonia Country Report. URL: <http://www.bti-project.de/reports/laenderberichte/ecse/est/2008/index.nc>

нию империализма. В ответ Лев Троцкий указал коллеге, что Россия бедна, и укрепление ее материального положения как базы мирового коммунизма не является империализмом [Лукин 2007: 175-177].

Даже во внешней политике Сталина, часто обвиняемого в возрождении традиционного российского империализма, в действительности сохранялся значительный идеологический элемент. В 1927 г. в одном из выступлений он говорил: «Интернационалист тот, кто безоговорочно, без колебаний, без условий готов защищать СССР потому, что СССР есть база мирового революционного движения, а защищать, двигать вперед это революционное движение невозможно, не защищая СССР». Расширение территории СССР было не традиционным империализмом, но укреплением и расширением области мирового прогресса [Сталин 1953: 51].

Точно так же сегодня действует и Запад. И пока он распространял свое влияние на малые страны Восточной Европы, все шло хорошо. Но с Россией случилась накладка. Она отказалась полностью входить в западную систему и настаивала на собственных подходах, хотя бы по некоторым особо важным для нее вопросам. И не потому, что ее лидеры были врожденными антизападниками. Как раз напротив, и Борис Ельцин, и Владимир Путин начинали с уступок, пытаясь вызвать ответное движение со стороны партнеров. Но взамен они получали только пустые обещания, и под воздействием обстоятельств им приходилось занимать более жесткую позицию.

В чем заключались эти обстоятельства? Дело в том, что, согласно многочисленным опросам общественного мнения, большинство россиян не считают западное общество идеальным. В этом отличие России от Восточной Европы. Даже там у Запада есть некоторые проблемы: в Польше и Венгрии прочны позиции консерваторов-католиков, не приемлющих многие моральные нормы современной Европы, в Болгарии и Румынии сильна коррупция и слабы демократические институты. Но все эти страны сравнительно невелики, и их можно постепенно поглотить, к тому же союз с Западом для них дает надежду на благосостояние и гарантии безопасности. Россия же слишком велика, и ее вестернизация нереальна без поддержки большинства населения. Однако население это не хочет вестернизироваться, его мало волнуют проблемы западного общества – права человека, равенство женщин, борьба за гомосексуальные браки и т.п. Напротив, многое из этого его раздражает. Активно возрождающиеся религиозные организации (как православные, так и мусульманские) считают Запад не идеальным обществом, но средоточием греха и говорят о необходимости собственного пути. Настойчивые попытки навязать чуждые ценности, оторвать от России культурно близких соседей и разместить войска все ближе к ее границам рассматриваются в ней как политика окружения и удушения.

Конечно, в России, особенно в крупных городах, сложилось вестернизированное меньшинство, но оно невелико. В результате сама демократия западного типа, при которой курс власти определяет большинство (или, по крайней мере, активно влияет на него), вкупе с враждебной внешней политикой Запада, делает лидеров, обращающихся к этому традиционному большинству, все более популярными. На Западе по идеологическим причинам понять эту ситуацию не могут. Любая идеология, как показывают ее исследования, обладает свойством отталкивать факты, которые в нее не вписываются. Характерна

в этом отношении позиция Майкла Макфола, большинство прогнозов которого относительно России и мира оказывались неверными, но который по идеологическим причинам все равно считается ведущим американским экспертом по России, так как свято верит в истинность «демократизма».

В 1999 г. Макфол в «*Journal of Democracy*» утверждал, что в России демократическая система хотя и несовершенна (он называл ее «электоральной демократией»), но уже достаточно утвердилась институционально, чтобы преемники Ельцина могли отказаться от нее. Он писал, что «существующая электоральная демократия обладает такой же устойчивой властью, что и нелиберальные характеристики режима. Если состояние экономики будет еще длительное время ухудшаться, российская демократия не выживет. Страна нуждается в быстром экономическом переломе, который создал бы более благоприятную обстановку для будущей консолидации либеральной демократии... Любопытно, однако, что самый удивительный итог недавнего российского финансового краха — демонстрация стойкости демократии, а не ее слабости. Заявления о кончине российской демократии преждевременны» [McFaul 1999: 18]. В действительности все произошло как раз наоборот: быстрый экономический подъем привел к усилению как раз нелиберальных характеристик режима. На такую возможность я указал в опубликованном в том же номере комментарии, в котором отметил, что высокий уровень плюрализма гарантируется скорее не институтами, а личными качествами Ельцина, а следующий лидер сможет сделать фактически все, что угодно, в том числе и серьезно ограничить плюрализм: «'Электоральная клановая система' едва ли способна перерасти в либеральную демократию. Он может приближаться к ситуации в нынешней Чечне или в Китае после 1911 г., когда центральное правительство существует только номинально, а местные военно-административные кланы непрерывно воюют друг с другом. Или же страну сможет консолидировать сильный недемократический лидер. В обоих случаях демократические свободы будут еще сильнее урезаны. В свете той роли, которую в России по традиции играли верховные лидеры... будущий российский президент... вполне сможет изменить нынешний временный баланс сил, либо изменив конституцию, либо вообще отменив ее...» [Lukin 1999: 40].

Позднее, во время пребывания Макфола на посту посла в России, после его выступления 25 мая 2012 г. в Московском Центре Карнеги, в котором он, в частности, защищал американскую поддержку революций в арабском мире, я задал ему вопрос, не думает ли он, что демократизация и разрушение светских авторитарных режимов в этих странах приведет к тем же последствиям, как ранее в Алжире, т.е. к победе исламистов и хаосу. Ведь арабская мусульманская политическая культура явно не приемлет западные ценности, и народ проголосует за более понятных ему лидеров. Макфол ответил, что, по мнению американских экспертов, ситуация может пойти не по алжирскому, а по индонезийскому сценарию, а в Индонезии крах авторитаризма все же привел к демократизации. В основе этого анализа, конечно, может лежать простое незнание значительных различий между мягким исламом Юго-Восточной Азии, где он подвергся влиянию других, более толерантных религий: буддизма и индуизма. Но главное здесь, конечно, не это, а основанное на идеологии стремление видеть желаемое, а не действительное. Результат политики Запада хорошо виден сегодня: полный хаос в Ливии, где

исламистами был убит американский посол, жестокая гражданская война в Сирии, возвращение в Египте к власти военных, которые только и оказались способными остановить хаос, вызванный правлением Братьев-мусульман. Сегодня, снова не поняв сути происходящего, Макфол призывает к изоляции «неправильной» России в рамках идеологической схемы борьбы «демократии» и «автократии», к продолжению давления на нее по всем фронтам: на Украине, в Грузии, в Молдове³. Такой подход, естественно, приведет к еще большей конфронтации и окончательному распаду этих, а возможно, и некоторых других постсоветских государств. Кроме того, он значительно укрепит позиции сторонников авторитаризма в самой России и создаст предпосылки для формирования антизападного альянса России, Китая и, возможно, некоторых других государств Азии (Иран, Пакистан и т.д.).

Сейчас идеологизированная экспансия Запада разрывает на части близкие к России страны. Она уже привела к территориальному расколу Молдовы и Грузии, а теперь на глазах распадается и Украина. Особенность этих стран в том, что культурная граница прошла непосредственно по их территории, и сохранять единство они могли только в случае, если их лидеры учитывали бы интересы как жителей регионов, тяготеющих к Европе, так и тех, кто хотел бы сохранить традиционные связи с Россией. Однобокая ставка на прозападных националистов в постсоветских государствах вызвала острые внутренние конфликты и притеснение русскоязычного населения, к чему Россия не могла оставаться безучастной. Когда же дело дошло до «братской» Украины и возникла угроза прихода НАТО в Крым, к которому в России испытывают особые чувства и жители которого в большинстве считали себя россиянами, окрепшая Россия решила, что отступать некуда.

Резкая реакция Москвы явно застала Запад врасплох. В конце марта 2014 г. главнокомандующий Объединенными силами НАТО в Европе генерал Филип Бридлав с удивлением заявил, что Россия действует «гораздо в большей степени как противник, чем как партнер»⁴. Но с учетом того, что блок НАТО действовал так с самого своего основания, фактически не изменив подход к России после конца «холодной войны», вряд ли тут стоит удивляться. Изменение политики России было только вопросом времени.

Что может нести это изменение? Конечно, хотелось бы, чтобы разум на Западе победил, предложения России по обеспечению прав пророссийски настроенного населения в бывших республиках СССР стали бы серьезно учитывать. Сегодня Россия выдвигает вроде бы разумные предложения, принятие которых могло бы привести к урегулированию ситуации на Украине: создание коалиционного правительства с учетом интересов восточных и южных регионов, федерализация, нейтралитет, придание официального статуса русскому языку и т.п. Но для западных идеологов принятие этих предложений означало бы не устраивающее всех решение вопроса, но торможение «плохими парнями» движения Украины в сторону прогресса, а это — идеологическое табу. В глазах Запада принять российские предложения — значит признать, что кто-

³ McFaul M. Confronting Putin's Russia. — *The New York Times*, 23.03.2014. URL: http://www.nytimes.com/2014/03/24/opinion/confronting-putins-russia.html?hp&rref=opinion&_r=1

⁴ Цит. по: Croft A. *NATO says Russia has big force at Ukraine's border, worries over Transnistria*. — URL: <http://www.reuters.com/article/2014/03/23/us-ukraine-crisis-nato-idUSBREA2M0EG20140323>

то, кроме него самого, обладает правом определять, что есть общественный прогресс, что хорошо, а что плохо для других обществ и государств. Идеология «демократизма» вряд ли это допустит. И Запад, скорее всего, изберет другой подход — поддержку прозападных радикалов повсюду на постсоветском пространстве, что будет вызывать новые конфликты. России в этих условиях придется всерьез переориентировать свою политику на Юг и Восток. С одной стороны, это может помочь решению стратегической задачи ее развития — подъему собственных азиатских регионов. С другой — может поставить ее в зависимость от сильных азиатских партнеров, прежде всего Китая. Но выбора у нее нет — враждебность и непонимание Запада его не оставляют.

ЛОЖНЫЙ ВЫБОР

Говоря о том, что Россия, как и всякая страна, имеет право защищать собственные интересы, более того, неизбежно будет защищать эти интересы в том виде, как их понимает ее элита и большинство населения, нельзя не отметить и следующей тенденции. По какой-то причине в современной России сторонники либерализации общества в своем значительном большинстве полностью лишены понимания национальных задач страны, с пренебрежением относятся к чувствам и ценностям большинства ее населения, считая его ретроградным и непонимающим преимуществ европеизации и прогресса. Многие либералы считают, что уменьшение российского влияния в мире как влияния негативного, благоприятно для внутренней либерализации и неизбежно должно ее сопровождать. В то же время те, кто выступает за собственную роль России в мире, укрепление ее влияния, часто — сторонники жесткого внутривнутриполитического режима, авторитаризма, а порой даже возрождения сталинизма.

Такая жесткая связь между внешнеполитическими и внутривнутриполитическими программами многим представляется сегодня очевидной. А, между тем, так было в России далеко не всегда. Консерваторы в царской России обычно не были сторонниками активной внешней политики. Достаточно вспомнить славянофилов, выступавших за внутреннее развитие по особому пути, или, например, осторожный курс Александра III, заявлявшего, что «все Балканы не стоят жизни одного русского солдата», и в царствование которого Россия не участвовала ни в одной войне. Активная внешняя политика обычно, наоборот, проводилась либералами. Именно осуществивший либеральные реформы Александр II освободил Балканы, а лидер кадетов Павел Милюков за призывы продолжать войну на стороне союзников до победного конца вплоть до раздела Турции даже получил прозвище Дарданелльский.

Связано это было с тем, что тогда патриотизм понимался консерваторами в России как сохранение ресурсов страны и жизни ее жителей и протест против растрачивания ее богатств на чуждые и непонятные внешние цели. В то же время большинство либералов считали, что модернизированная и даже вестернизированная Россия должна стать отнюдь не подчиненной частью Западного мира, но ее законной и мощной частью с собственными интересами. Многие также полагали, что миссией России должна стать европеизация и вестернизация стран Востока, которые она лучше понимает вследствие географического положения и того факта, что в самой России имеется значительное мусульманское и буддийское население.

Трудно представить себе, чтобы Александр Пушкин с его «Клеветникам России» или даже гораздо более радикальные декабристы выступили бы сторонниками превращения реформированной России в младшего партнера Англии или Франции, не говоря уже о возможности ее раздела. Между тем идея возможности и даже желательности раздела России на «несколько мелких зажиточных Швейцарий» довольно широко распространена среди российских либералов. Я впервые услышал такое предложение от известного диссидента Кронида Любарского в то время, когда он жил в Мюнхене. Однако уже вскоре подобные взгляды отразились в проекте конституции Андрея Сахарова, предложившего всем народам СССР сформировать республики, имеющие право отделения, а саму Россию разделить на несколько округов с полной экономической самостоятельностью⁵.

В подобных предложениях поражает два момента. Во-первых, полное непонимание того, что раздел страны не может быть бескровен, он приведет к многочисленным кровавым конфликтам, в результате которых возникнет, скорее, не несколько Швейцарий, а несколько Босний или Ливанов. Ход распада СССР в дальнейшем ярко это продемонстрировал. Это момент – прагматический, говорящий о незнании или нежелании знать политические реалии.

Но есть и более важный, духовный момент. План раздела собственной страны говорит о непризнании ее исторической и культурной ценности, по сути об идеологической ненависти к ней. Ведь если считать, что любая, даже небольшая, страна представляет собой огромный интерес для всего человечества своим уникальным историческим путем, национальными представлениями и культурой, то тем более должна быть ценна всем этим такая крупная страна, как Россия, сыгравшая значительную роль в мировой истории, и раздел ее на множество мелких частей должен вызывать, по меньшей мере, сожаление.

Справедливости ради следует сказать, что идеологическая ненависть к России, или, как сейчас говорят, русофобия, была характерна для некоторых либералов и в царской России. Такова была, например, высказанная в первом философическом письме концепция Петра Чаадаева, утверждавшего, что Россия якобы не имеет истории, так как истинная история существует только на католическом Западе. Примерно тогда же другой сторонник католицизма, литератор Владимир Печерин написал знаменитые строки:

*Как сладостно отчизну ненавидеть
И жадно ждать ее уничтоженья!
И в разрушении отчизны видеть
Всемирную десницу возрожденья.*

Но все же в XIX в. такие взгляды не были характерны для либерального большинства и представлялись скорее курьезными.

В позднем же СССР и независимой России государствовборческие идеи стали доминировать в либеральном движении. Вероятно, связано это с несколькими причинами. Во-первых, движение формировалось в условиях советской системы, огосударствившей все сферы жизни. В этих обстоятельствах борьба за свободу неизбежно связывалась с борьбой не только против конкретного советского государства, но и против государства как такового. Интересны в том

⁵ Сахаров А.Д. *Проект. Конституция Союза Советских Республик Европы и Азии*. Доступ: http://www.yabloko.ru/Themes/History/sakharov_const.html

плане слова из воспоминаний Валерии Новодворской: «В августе 1968 г. я стала настоящим врагом государства, армии, флота, ВВС, партии, Варшавского блока. Я ходила по улицам, как подпольщик на оккупированной территории. Именно тогда я решила, что за все эти дела... есть только одна мера наказания — разрушение государства. И сегодня, когда оно полуразрушено и лежит в крови и пыли, когда гибель его вместе со всем народом кажется весьма вероятной, во мне нет ни жалости, ни раскаяния. Да сгинь день, в который СССР родился! Пусть он станет всем нам братской могилой...». Возможно, эти мысли чрезмерно радикальны и «поэтичны», но отражают некую тенденцию.

Во-вторых, российские либералы были воспитаны на советской идеологии и ее отрицание понимали, как создание новой идеологии с обратным знаком. Так, если власти считали СССР великим прогрессивным государством и альтернативой социально отсталому Западу, то их враги должны были видеть в нем государство порочное, которое нужно подчинить «цивилизованному» Западу. Это отношение передалось и на независимую Россию, которая, с оппозиционной точки зрения, сегодня все больше напоминает СССР.

В-третьих, сказывались и недостаточная образованность, плохое знание истории и культуры собственной страны, в особенности, в ее религиозной части (что также — следствие советского антирелигиозного образования), которая именно и обладает уникальным богатством, значительно отличающимся от европейской традиции.

Между прочим, и на Западе сторонники всемирной демократизации, либералы и защитники прав человека отнюдь не противятся внешнеполитическим и даже военным предприятиям своих правительств. Они лишь требуют, чтобы эти предприятия осуществлялись в интересах «демократии». Таким образом, в идеологии демократизма традиционный западный экспансионизм лишь сменил формы: если крестовые подходы шли во имя истинной религии, колониальные захваты оправдывались цивилизаторской миссией прогрессивных обществ, то бомбардировки «диктаторов» и «нарушителей прав человека» сегодня ведутся во имя обеспечения этих самых прав. Лицемерие и бессмысленность этого подхода хорошо проиллюстрированы в знаменитом интернет-меме, где в уста Барака Обамы вложены следующие слова: «Сирийцы убили сирийцев. Поэтому теперь мы должны убить сирийцев, чтобы сирийцы прекратили убивать сирийцев». Государствоворчество на Западе, особенно в США, свойственно скорее крайним консерваторам, но отнюдь не либералам.

Таким образом, господство государствоворческой идеологии в либеральном и правозащитном движении сегодня по сути является таким же пережитком советской системы, как и попытки прямо восстановить атрибуты и символы СССР, но только с обратным знаком. Если борьба за либерализацию в современной России монополизирована антигосударственниками и примитивными западниками, не заботящимися о национальных целях России и не понимающими, что их страна не может быть простым придатком западной системы по целому ряду причин (из-за географического положения, размеров, культурных традиций, ценностей большинства населения), то борьба за российские национальные цели фактически монополизирована сторонниками диктатуры. Эта последняя тенденция особенно ярко проявилась во время недавних событий на Украине, когда в принципе благая цель по воссоединению с Крымом стала предлогом для выхода на свет наиболее одиозных персонажей

недавнего, но забытого советского прошлого. Главными сторонниками и пропагандистами этого события стали полуфашистские и сталинистские деятели, идеологи ГКЧП, которых раньше и близко не подпустили бы к государственным телеканалам. Несогласных изгоняют из медиасообщества, а оппозиционные СМИ закрываются. Радио и телевидение говорят одним голосом, который порой срывается на шовинистический крик и призывы к ядерной войне. Многие программы телевидения все чаще напоминают поделки советского КГБ, призванные дать отпор «классовому врагу». Казалось бы, ушедшее в небытие мировоззрение советских спецслужб, согласно которому власть окружена внешними и внутренними врагами, а с ними надо вести беспощадную борьбу, опять начинает доминировать в информационном пространстве.

Нынешняя ситуация ставит россиян перед выбором: либо выступать за демократизацию, но против усиления России на мировой арене, за ее превращение в младшего, подчиненного партнера Запада, либо за укрепление России, но с обязательным установлением диктатуры, национализмом и угрозой всем вокруг. Либо Немцов с Каспаровым, либо Дугин с Прохановым. И никакой середины.

Первая позиция подозрительно отвечает интересам коррумпированной компрадорской прослойки во главе с олигархами и крупными чиновниками, которые опасаются за свои сбережения и недвижимость в Лондоне. Для них хаос и развал 1990-х — милое дело: можно, пользуясь связями в правительстве, безнаказанно грабить свой народ, а награбленное — вывозить за границу. Определенная доля плюрализма тут даже полезна, ведь диктатура может обратиться против воровства: не надо забывать, что именно Бенито Муссолини наиболее эффективно искоренял итальянскую мафию.

Основа второй тенденции — все более поглощающая Россию идеология спецслужб, с ее знаменитой теорией авторитарного «крюка», который якобы только и мог спасти Россию от развала, психологией осажденной крепости, поисками врага в любом соседе и предателя в каждом инакомыслящем. Сегодня ее носителей, в отличие от советских и ельцинских времен, более не сдерживает политическая власть, потому что они сами и есть власть.

Кого здесь выбрать? С одной стороны, «ворюги мне милей, чем кровопийцы», способные вернуть страну в ГУЛАГ, с другой — я симпатизирую «собирацию русских земель», какой-то большей рациональности нынешнего государства, потому что авторитаризм когда-то рухнет, а страна останется. А смогут ли сохранить ее оппозиционеры-западники, многие из которых, кстати, уже были у власти и прославились только поощрением системы воровства и хаоса, весьма сомнительно. Ситуация крайне сложная. Для меня символом этой сложности стал бард Александр Городницкий, написавший в 2007 г. песню «Севастополь останется русским», ставшую фактически неформальным гимном города, а сегодня подписавший письмо интеллигенции против «аннексии Крыма». Но почему такой выбор вообще необходим? Почему нельзя быть сторонником свободной, но сильной и самостоятельной России? Ведь именно за такую страну всегда и боролся российский либерализм. Запад для него был идеалом лишь в смысле некоторых элементов внутреннего устройства, но российские либералы никогда не идеализировали его прагматическую, часто антироссийскую внешнюю политику. И уж только отъявленные террористы и враги российского государства, типа большевиков, выступали за «превращение войны империалистической в войну гражданскую».

И сегодня тесная взаимосвязь демократии с внешнеполитическими целями Запада — не более чем миф российской либеральной оппозиции. Строго соблюдая верховенство закона внутри своих стран, западные лидеры гораздо более прагматично относятся к международному праву. Не Россия, а Запад уничтожил идею создания новой системы мировой политики, основанной на международном праве, возможность для чего возникла после крушения СССР. Не Россия, а Запад, уверовав в «конец истории», воспользовался временным всеилием, чтобы создать мир, в котором можно хватать все, что плохо лежит, крушить любые границы, нарушать любые договоренности ради «благой цели». Не Россия, а Запад целенаправленно разрушал послевоенную правовую систему, чтущую суверенитет государств, продвигая теории «гуманитарных интервенций», «ответственности по защите» и т.п. Не Россия, а Запад надавил на Международный суд ООН, постановивший, что односторонняя декларация независимости Косово не нарушает международное право. Россия многократно предупреждала, что прецеденты с бомбардировками Сербии, отделением Косово, военными акциями в Ираке и Ливии подорвут систему международная права, в том числе и закрепленный хельсинскими документами принцип нерушимости границ в Европе. Если не Совет Безопасности ООН, то любой сильный будет сам для себя определять, в чем его «благая цель» и какой кусок себе отхватить.

В результате позиция Запада по Крыму, в которой его лидеры ссылаются на принципы соблюдения территориальной целостности и нерушимости границ, воспринимается в России не более чем как глубочайшее лицемерие. В условиях новой ситуации, когда сила решает все, а идеология лишь служит для ее прикрытия, следует определить, на что должна быть направлена сила, как применяться. Представляется, что раз не сработал принцип нерушимости границ, во внимание должно приниматься желание населения. Если крымчане хотят жить в России, то почему они не могут этого сделать так же, как каталонцы — отделиться от Испании, а шотландцы — от Британии? Ведь это оказалось возможным, например, в случаях с Южным Суданом, Восточным Тимором и т.п. Подход российских противников присоединения Крыма поражает меня своим прозападническим доктринерством — абстрактные принципы Запада, которые там используют лишь для других, но не соблюдают сами, для них важнее, чем чаяния миллионов людей.

В то же время совершенно не прельщает перспектива жить в осажденной крепости, где власти повсюду видят врагов, а в любом инакомыслящем — предателя и пятую колонну. Несомненно, что большинство россиян не хотели бы делать этого выбора. Согласно многочисленным опросам, это большинство любит свою страну, хочет, чтобы она была сильной и процветающей, но также ценит возможность свободного передвижения, выезда за границу, озабочено коррупцией и безответственностью власти и вовсе не мечтает о восстановлении сталинизма или установлении националистической диктатуры.

Необходимость выбора ведет многих талантливых людей к выезду из страны. Я знаю это по многим студентам, которые, за исключением работы в органах власти и управления, где сегодня возможны высокие доходы, не видят особых перспектив трудоустройства. Ведь за все прочие профессии — в науке, образовании, медицине, на производстве, в частном бизнесе — за границей платят больше, да и жизнь там гораздо более спокойна и благоустроена.

Причем речь уже идет об эмиграции не только на Запад, но и в страны Азии: Китай, Таиланд, Индию и др.

Из этой ситуации есть только один выход. Людям надо предложить третий путь, который будет отвечать чаяниям большинства. Этот путь – соединение нормального, умеренного патриотизма, естественным образом свойственного жителям большой и гордой своей историей страны, с умеренным же либерализмом, выражающемся в стремлении жить свободнее, по закону, без воровства и коррупции, с развитым самоуправлением. Европейский путь или европейский вектор развития России должен означать не подчинение ее интересам ЕС, а заимствование позитивных и приемлемых для России элементов европейского государственного устройства, прежде всего – верховенства права, конструктивное взаимодействие с Европой и США, разъяснение своей позиции при жестком отстаивании собственных интересов. Сторонники этого пути должны не пропагандировать никому не интересные в России и раздражающие большинство граждан ценности «демократизма» (типа феминизма и гомосексуальных браков), а сосредоточиться на реальных проблемах страны, заботящих население: борьбе за независимую систему правосудия, против коррупции и нелегальной миграции, против привилегий властной касты, национализма и ксенофобии. При этом необходимо пояснять, что именно эти явления как раз и мешают России стать великой и мощной страной. Только такое истинно либеральное движение способно дать стране перспективу и сделать жизнь в ней комфортной для большинства россиян, а саму ее – популярной и привлекательной в мире.

Лукин А.В. 2007. *Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII-XXI веках*. М.: АСТ, Восток-Запад. 624 с.

Новодворская В.И. 1993. *По ту сторону отчаяния*. М.: Новости. 272 с.

Сталин И. В. 1953. Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 29 июля – 8 августа 1927 г. Международное положение и оборона СССР. Речь 1 августа. – *Сталин И.В. Соч.* т. 10, с. 3-59.

References

Lukin A. Forcing the pace of democratization. – *Journal of Democracy*, vol.10, no. 2 (April 1999), pp. 35-40.

McFaul M. What went wrong in Russia? – *Journal of Democracy*, vol. 10, no. 2 (April 1999), pp. 4-18.

Lukin A.V. *Medved' nablyudayet za drakonom. Obraz Kitaya v Rossii v XVII-XXI vekakh* [The Bear Watches the Dragon. The Image of China in Russia in 18-21st Centuries]. Moscow: AST, Vostok-Zapad, 2007. 624 p.

Novodvorskaya V.I. *Po tu storonu otchayaniya* [Beyond Despair]. Moscow: Novosti, 1993, 272 p.

Stalin I.V. Ob'yedinennyy plenum TsK i TsKK VKP(b) 29 iyulya – 8 avgusta 1927 g. Mezhdunarodnoye polozheniye i oborona SSSR. Rech' 1 avgusta [Joint Plenum of the Central Committee and the Central Control Commission of the CPSU (b) July 29 – August 8, 1927. The International Situation and the Defense of the USSR. August 1 Speech]. – *Stalin I. V. Soch. (Selected Works)*, vol. 10. M., 1953, pp.3-59.

CHAUVINISM OR CHAOS: RUSSIA'S UNPALATABLE CHOICE

A.V. Lukin

Abstract. The author's perspective is that the return of the Crimea to Russia and other events revolving around the political situation in Ukraine, have combined to create a new reality for Russian society. The author believes that it's totally possible that the entire system of Russian international relations, as well as the internal state of affairs in Russia, will never be the same again. Domestically, the Crimean situation has created an unsavory set of options for many Russians. This Catch-22 is based on the fact that the majority of people who want to liberalize Russian society completely lack an understanding of Russia's national security concerns. Many liberals believe that the decline of Russia's external influence is necessary for internal liberalization and therefore these two developments are intrinsically linked to each other. Meanwhile, those who support Russia playing its own role in global politics – enhancing Russia's external influence – are often the proponents of a severely strict domestic political regime, authoritarianism, and even the rebirth of Stalinism. As a result, Russians seem to have an unpalatable choice ahead of them: either support democracy, but be against the augmentation of Russian power on the world stage, thereby calling for Russia's transformation into a subservient partner of the West, or support the strengthening of Russia, but only under the conditions of dictatorship, nationalism, and threat to all of her neighbors. In the author's opinion, people should consider a third option that would adequately address the concerns of the majority. This third way is a unification of normal, moderate patriotism with equally moderate liberalism.

Keywords: Russia, Ukraine, Crimea, democracy, liberalism, patriotism, chaos.